Галина Серебрякова

О ДРУГИХ И О СЕБЕ

Галина Серебрякова

О ДРУГИХ И О СЕБЕ

НОВЕЛЛЫ

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
МОСКВА 1971

Книга «О других и о себе» Галины Иосифовны Серебряковой — сплетение новелл, этюдов, иногда почти дневниковых записей. Все страницы связаны тесно с личностью писательницы, ее биографией, мировоззрением и мировосприятием.

Автор ввел в сферу своих воспоминаний не только сподвижников Ленина, не только титанов мысли и писательского мастерства — М. Горького, Р. Роллана, Б. Шоу, а и своих собратьев по перу, представителей разного рода искусств.

Новеллы Г. И. Серебряковой имеют значительное познавательное и воспитывающее значение, особенно для тех, кто на пороге большой жизни ищет свой путь.

Книга впервые выходила в 1968 году. Сейчас автор дополнил ее новыми новеллами.

— Как вы могли не выполнить поручения? Как смели? Вы ведь дали нам слово коммуниста.

Слово коммуниста! В устах Серго это звучало как обязательство на жизнь и смерть. Коммунист! Он видел в нем человека особого склада, безупречного и строго взыскивающего с самого себя за малейшее отступление от лучших образцов человеческого совершенства.

Серго познакомил меня с несколькими близкими ему людьми, удивительными, как и он, по внутренней безупречности и ясной идейной цели. Один из них был абхазец Нестор Лакоба, человек больших знаний, отличной партийной биографии, огромной воли и принципиальности. Он сразу же очень понравился мне проявленными в беседе чувством юмора, находчивостью, простотой обращения. Впоследствии я видела его много раз, жила в его семье в Сухуми и проникалась все большей симпатией и уважением к этому талантливейшему, строгому партийному руководителю, знавшему так много, что после каждой встречи я должна была учиться, читать, расспрашивать близких, чтобы разобраться в богатстве новых мыслей и сведений.

Мария и Мамия Орахелашвили, которых я впервые увидела тоже у Серго, произвели на меня вначале более сложное впечатление. Я как бы очутилась у двух могучих гор с альпийскими лугами. Это были мощные, скорее суровые, особенно Мария, волевые люди — борцы огромного темперамента, ума и силы. Два государственных деятеля нового типа, не знающие страха и отступлений. Серго отозвался о них как о способнейших и честнейших людях с трудными, однако, прямолинейными и требовательными характерами. Мария, по его словам, блестяще знала труды Маркса и Ленина, обладала скорее мужским, чем женским умом. Мамия, напоминавший мне своей экзальтированностью одного из апостолов на «Тайной вечере» Леонардо да Винчи, казался значительно мягче жены.

Частым гостем в двадцатых годах в семье Серго был и Шалва Элиава. Прихрамывающий на одну ногу, он, однако, удивлял картинной стройностью, лихо танцевал лезгинку и превосходно ездил верхом. В косоворотке с множеством серебряных мелких пуговок и серебряным пояском на узкой талии, рыжеволосый, розовокожий, он

подачи команды да на парадах. Преданность семье его не оставляла. Куда бы я ни ездила, просил привезти обновы жене, теще, свояченицам и, оживляясь, ласково похвалялся успехами Галины Антоновны, чем очень умилял меня.

Если Тухачевский и Якир были полководцами большого политического темперамента, многосторонних запросов и деятельности, Егоров видится мне военачальником, всецело захваченным главной важной сферой — армией.

Традиция участия военачальников в каждой области социалистической ежедневности и строительства создавалась Фрунзе, который был столько же виднейшим партийным работником, сколько и военным. Ее продолжила плеяда его соратников. Многие были коммунистами задолго до Октябрьской революции, профессиональными революционерами, образованнейшими марксистами, готовыми к любому делу. По воле партии они стали первыми полководцами Великой Революции пролетариата. Они уподобились тем стратегам, появление которых предвидели Энгельс и Маркс. Своим становлением они обязаны были Ленину.

Одним из самых талантливых самородков той же рати остается Василий Константинович Блюхер. Его я узнала близко в условиях, когда могла видеть иногда весь день.

В самом конце двадцатых годов в одной из дач сочинского санатория поселились интересные люди: С. И. Гопнер, А. В. Галкин и В. К. Блюхер. Мы с мужем также занимали там одну из комнат. Все отдыхавшие издавна знали друг друга и рады были провести около месяца в близком соседстве. Но Серафима Ильинична расхворалась и слегла в постель, Галкин после мацестинских ванн, как сам говорил, «скорбел ножками», и на дальние прогулки отправлялись только Блюхер и мы. Василий Константинович оказался рекордсменом в ходьбе и лазанье по горам. В пути разговоры велись обычно непринужденно и не всегда значительные.

В то время комдив, позже маршал, Блюхер чем-то напоминал мне Фрунзе. На отдыхе носил он штатское

платье, белые рубашки, соломенную шляпу. Предрасположенный к полноте, пухлолицый, с добродушным выражением темно-серых глаз, он походил на ученого агронома или земского врача. Его все интересовало, и он мог подолгу слушать санаторского садовника, знавшего особенности цветов и растений в субтропиках, бывшего монаха, водившего нас по часовням, ризнице и кельям Нового Афона, дегустатора вин и речистого абхазца, повествующего о прошлом Сухуми. То было не просто любопытство, а стремление собрать побольше сведений. Мозг Блюхера остался молод и ненасытим. От людей он шел к книгам, которых привез с собой большой чемодан, и перебрал все, что нашел в библиотеке. Вставал он на рассвете и после морского купания и долгой зарядки появлялся розовощекий, яркоглазый, спокойный до такой степени, что хотелось взять у него часть этой нервной отрегулированности. Всегда был он готов к дальним походам и беседам. О себе говорил скупо, о местах, где бывал, — с явным удовольствием. Особенно полюбился ему Дальний Восток. Не юг с его утомительной пестротой и обнаженностью богатства, а сумрачный, скрытый север привлекал его все сильнее. О тайге, Байкале, Амуре мог говорить часами.

— В Сибири люди вынуждены бороться с природой ежеминутно, а это хорошо, очень хорошо. Где труднее, там и лучше. — Таков был смысл его выводов.

Уже через несколько дней праздность курортного существования начала угнетать Блюхера, и сколько ни спорили с ним врачи, он начал собираться в обратный путь. Тогда-то, чтобы продлить его отдых, мы собрались путешествовать по Абхазии и направились в Новый Афон. Необычность бывшего монастыря увлекла всех нас. Мы поселились в пустом патриаршем домике, где все напоминало прошлое, и занялись богословскими книгами, которые там отыскали. Блюхер оказался превосходным чтецом. Он прочитал нам Экклезиаст.

— Да ведь Соломон-то настоящий материалист! — восклицал он неоднократно.

«Песнь песней» — чувственное, эпическое произведение — заставили читать меня.

В эти странные вечера мы много спорили о теологии, и Блюхер с моим мужем, знавшие работы Ленина против богоискательства, обрушивались на меня, вышучивая и

обвиняя чуть ли не в мистицизме. Я отбивалась с кошачьей яростью.

— Чего ждать от писателей, — смеясь, вступался Блюхер, — они ведь выдумщики, фантазеры. Без волшебства, видно, и не напишешь романа.

Напыщенные и большей частью по сути незначительные люди умеют постоянно «подавать» себя окружающим и долго могут оставаться неразгаданными.

Все значительное — просто в поведении. Столь искренней была скромность Блюхера в повседневности, что казалось, его тяготило чрезмерное внимание окружающих. Его знали как выдающегося стратега, отважного революционера, талантливейшего организатора и знатока людей, — без этих качеств немыслим великий военачальник.

Все мы помнили его бесчисленные подвиги в гражданскую войну, то, что орден боевого Красного Знамени № 1 был вручен именно Блюхеру, восхищались генералом Галиным, как назывался Василий Константинович в Китае, где создал первые воинские части по образцу Красной Армии. Блюхера чтили и преданно любили единомышленники и однополчане. Любили его и абхазские наши товарищи.

Не раз виделись мы с Нестором Лакоба, партийным руководителем Абхазии. Небольшого роста, глуховатый, с волосами серебристо-золотыми и все замечающими быстрыми глазами, он был интереснейшим собеседником и гостеприимнейшим хозяином. Я редко участвовала в беседах его и Блюхера, касавшихся значительнейших событий. Днем было тягостно жарко даже в тени могучих дубрав Нового Афона. Вечером мы купались в море, варили уху, катались на лодках, пели песни и читали вслух книги.

Часто вечерами ездили в горы. Лакоба знал легенды и поверья своего края. Сидя у костра в вековом лесу на Военно-Сухумской дороге, мы часами слушали его размеренные рассказы, затем, укрывшись бурками, укладывались спать, чтобы встать перед рассветом и увидеть первые сигнальные огни восходящего солнца.

Сейчас, когда прошло более сорока лет, я вздрагиваю, вспоминая эти сновидения наяву. Природа была так прекрасна, как люди, и люди были достойны ее. То

была гармония, о существовании которой на земле возглашают музыка, море, небо.

Последний раз я видела Блюхера, приехавшего поздней осенью с юной, тоненькой, похожей в строгом синем костюме на робкого отрока, женой Глафирой в «Барвиху». Был 1935 год. Маршал носил форму. Таким я его видела только на портретах. Но лицо с веселым, широким «русским» носом, глаза, большой, ораторский рот, свежесть кожи были те же, знакомые и приятные. Мы припомнили с ним Абхазию, наши чтения, походы в горы и пожалели, что, как писалось в Экклезиасте, «все проходит». Блюхер шутил:

— Но что было — будет.

Он, однако, ошибся. С ним мы больше не встречались.

Полководцы, которых я знала, отважные выученики Ленина, встают в моей памяти, чтобы снова, как в дни торжественных парадов на Красной площади, отдать честь Родине и партии.

СОДЕРЖАНИЕ

СВЕТ НЕУГАСИМЫЙ

В. И. Ленин 7
Н. К. Крупская и М. И. Ульянова 14
Ленин и музыка 21
Д. И. Ульянов 29
Слово о Марксе 32
Слово об Энгельсе 38
Ф. Э. Дзержинский 49
В. В. Куйбышев 52
М. В. Фрунзе 54
С. М. Киров 57
Г. К. Орджоникидзе 60
Я. Э. Рудзутак 68
А. С. Енукидзе 77
Г. М. Димитров 87
М. Н. Покровский 91
А. М. Коллонтай 98
Е. Д. Стасова 104
А. В. Галкин 106
Ф. Ходжаев 110
В. М. Примаков 121
Клара Цеткин 131
Н. А. Морозов 153
Ш. З. Элиава 161
Полководцы 166

ПОД КРАСНОЙ ЗВЕЗДОЙ

Сапоги 181
Трактат о любви 183
Прощай, Киев 185
Первый бой 187
Командарм Геккер 190
«В дни революционных бурь» . 192
Лидия Алексеева 195

Коммуна «кузнецов» 197
Сила убежденности 200
Кисеты 201
В Москву 203

ТРИ СОВРЕМЕННИКА

Максим Горький 207
Бернард Шоу 225
Ромен Роллан 242

ТОВАРИЩИ ПО ЦЕХУ

Дмитрий Фурманов 247
Сакен Сейфуллин 250
Павел Васильев 253
Сергей Есенин 257
Эдуард Багрицкий 260
Борис Пастернак 262
Исаак Бабель 268
Александр Довженко 274
Историки 276
Редакторы 286
Сабит Муканов 296
Захария Станку 299

ДУША ИСКУССТВА

Д. Д. Шостакович 305
А. В. Нежданова и Н. С. Голованов 315
В. И. Мухина и А. А. Замков . . 330
Е. В. Вучетич 337
Л. Е. Кербель 343
Б. В. Щербаков 347
Б. Тулегенова 353

ЗАРИСОВКИ И РАЗДУМЬЯ

В. К. Коккинаки 357
Высокая страсть 360

Сокровищница 365
Лондонские встречи 374
Моя врачебная практика 385
В Джамбуле 392
Отец 399
Мать 408
Главная тема 417